

Творина Е.

доцент кафедры философии, социально-политических и правовых наук ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет», кандидат философских наук, доцент

Чинталова И.

студентка филологического факультета ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»

ЯЗЫК КАК ОКНО В ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПРИРОДУ

В статье рассматривается один из современных подходов к проблеме языка, основанный на идеях Ч. Дарвина, Н. Хомского и С. Пинкера, рассматривающий язык как биологическую адаптацию.

Ключевые слова: язык, сознание, мышление, инстинкт.

Творина О.

доцент кафедри філософії, соціально-політичних і правових наук ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет», кандидат філософських наук, доцент

Чинталова І.

студентка філологічного факультету ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»

МОВА ЯК ВІКНО В ПРИРОДУ ЛЮДИНИ

У статті розглядається один із сучасних підходів до проблеми мови, заснований на ідеях Ч. Дарвіна, Н. Хомського і С. Пінкера, який розглядає мову як біологічну адаптацію.

Ключові слова: мова, свідомість, мислення, інстинкт.

Tvorina E.

associate professor of the Department of Philosophy, socio-political and legal studies of Donbass state pedagogical university

Chintalova I.

student of the Philological department of Donbass state pedagogical university

LANGUAGE AS A WINDOW INTO HUMAN NATURE

The article deals with one of the modern approaches to the problem of language, based on the ideas of Ch. Darwin, N. Chomsky and S. Pinker, considering language as a biological adaptation.

Keywords: language, consciousness, thinking, instinct.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Рубеж XIX – XX вв. впервые обоснованно поставил вопрос о соотношении языка и нейроанатомии мозга в рамках научного подхода. Современная

наука розробляє всі нові і нові ідеї, даючи можливість осмислити проблему «Язык – Сознание – Мозг» з точки зору різних концепцій. Цьому сприяють междисциплінарні дослідження, а також діалоги між представниками різних областей знання. Науці про мову суттєвий ривок допомогла зробити когнітивістика.

Аналіз останніх досліджень і публікацій по проблемі, на яку опирається автор. Жак Деррида відзначав, що проблема мови сьогодні «як така заповнила собою весь світовий горизонт самих різних досліджень і самих різноманітних мов». Гумбольдт висловлював живу впевненість в тому, що «людське істота володіє передумом якоїсь сфери, яка виходить за межі мови і яку мовою, власне, в якій-то мірі обмежує, але що все-таки саме він — єдине засіб проникнути в цю сферу і зробити її плідною для людини...» [1, с. 171].

Постановка цілей. Мета нашого дослідження полягає в узагальненні філософського змісту концепції Стивена Пінкера в контексті еволюції філософії мови.

Визначення нерешених раніше частин загальної проблеми, яку розглядаються в статті. На даному етапі розвитку філософії мови нерешеним є завдання визначення природи відносин між формальним підходом генеративної граматики і сучасними когнітивними дослідженнями мови.

Виклад основного матеріалу дослідження. Мова представляє собою невід’ємне умово виконання абстрактного, узагальненого мислення і раціональної ступені людського пізнання. Мова є засіб мислення. Роботу людського свідомості можна досліджувати через ретельне вивчення мови. Відомий і популярний на сьогоднішній день канадсько-американський вчений, спеціалізується в експериментальній психології і когнітивних науках, Стивен Пінкер (професор Гарвардського університету) справедливо зауважує, що мова насправді є вікном в природу людини. Мова для нас настільки природно, що ми забуваємо про те, який це насправді дивовижний дар. За словами Пінкера, мова є частиною свідомості, причому найбільш доступною частиною.

В своїх книжках («Субстанція мислення: Мова як вікно в людську природу», «Як працює розум», а також «Мова як інстинкт») Стивен Пінкер популяризує ідею про те, що мова є біологічною адаптацією, т.е. інстинктом, який сформувався природним відбором. Ця теорія Пінкера,

основана на идеях Ч. Дарвина, считавшего, что сложное строение языка принадлежит нам по праву рождения. То есть люди знают, как говорить, приблизительно в том смысле, в каком пауки знают, как плести паутину или птицы знают, как летать.

Стивен Пинкер опирается на учения американского философа и лингвиста Ноама Хомского, который считает, что лингвистика очень долго занималась «внешним», «экстериоризованным» языком, - наступило время заняться языком «внутренним», «интериоризованным» [5, с. 3].

В подтверждение своей теории Пинкер приводит довод о том, что человек способен получать неограниченное число предложений из ограниченного числа слов. Это значит, что в мозге может быть заложена некая программа, т.н. «ментальная грамматика», или Универсальная Грамматика. У детей она развивается самопроизвольно, поэтому с течением времени они могут адекватно воспринимать речевые конструкции, с которыми не сталкивались до этого. Врожденные ментальные модули могут функционировать только при взаимодействии с окружающей средой. К примеру, языковой инстинкт становится способностью говорить по-английски или по-немецки.

Некоторые современные исследователи языка склонны «сгущать краски», доказывая существование особого «языкового» (или грамматического) гена. Такая гипотеза возникла на базе вывода о том, что у больных афазией (неспособностью к связному высказыванию) нарушен не только процесс воспроизведения слов, но и контроль над языком вообще. Но «Если удалить распределительный вал, то машина не будет двигаться, но это не значит, что машиной управляет ее распределительный вал.» [3, с. 284]. Нет повода говорить о реакции, обусловленной конкретным геном, поскольку реакции контролируются группами факторов, и отсутствие одного белка не означает отсутствие данной реакции. Следовательно, едва ли можно предполагать наличие специализированного «языкового» гена.

Пинкер проводит интересную аналогию между языком и биологическими видами. Учёный-когнитивист уподобляет разницу между языками разнице между биологическими видами и рассматривает как следствие трёх процессов: 1) изменяемость (в языке – лингвистическая инновация); 2) сохраняемость; 3) обособленность, обусловленная миграцией или социальными барьерами в случае с языком.

На Земле существует около шести тысяч языков. И не существует такого понятия как «язык уровня каменного века».

Сложно организованные языки используются повсеместно. Языки примитивных народов и сообществ отнюдь не примитивны. Сложно организованный язык универсален, т.к. дети фактически вновь его изобретают, не потому что их этому учат, а потому, что не могут этого не делать. Пинкер опирается на исследования, показывающие, что если оставить детей наедине с «пиджином», т.е. языком с минимальным содержанием грамматики, то дети начнут привносить грамматическую систему туда, где её не было. В результате язык выходит на новый качественный уровень. Взгляды С. Пинкера, по всей вероятности, описывают развитие языка гораздо ближе к истине, чем предшествующие им представления. Например, напрашивающийся из результатов Пинкера вывод о том, что проблемы с речью могут сочетаться с нормальным невербальным интеллектом, видимо, справедливы. Хотя всё-таки представляется, что структура подобной личности и её интеллект будут устроены своеобразно.

Пинкер совершает экскурсы в самые разные проблемные области - от того, как дети учатся говорить, до происхождения языков. Этим он обосновывает свою мысль о том, что "язык не есть атрибут материальной культуры, который мы постигаем так же, как постигаем положение стрелок на циферблате часов или принцип работы федерального правительства. На самом деле это особый "кирпичик" в биологической конструкции нашего мозга. Язык - это сложный, специализированный навык, который самопроизвольно развивается в ребёнке и не требует осознанных усилий или систематических наставлений; не связано это развитие и с постижением глубинной логики языка. Этот навык в равной степени свойственен каждому, но отличается от обобщённой способности обрабатывать информацию или поступать разумно". Это значит, что человек должен быть генетически «запрограммирован» на язык, а следовательно все языки должны иметь общую структуру, которая бы соответствовала такому предварительному «программированию».

Язык представлен совокупностью слов и правил, регулирующих их употребление и сочетание. Лев Выготский отмечает, что «значение слова представляет собой такое далее неразложимое единство обоих процессов, о котором нельзя сказать, что оно представляет собой: феномен речи или феномен мышления». Любое специфическое определение слова включает его отношение к смыслу. В лингвистике это отражено положением о «языковой тройке»: слово – значение – предмет (денотат, или референт). Слово – это уже обобщение, т.к. слову соответствует не только тот конкретный предмет (денотат, или референт), который

оно в данном речевом акте обозначает, но также и то отвлечённое описание класса референтов, по которому этот предмет можно считать референтом слова. А обобщение, в свою очередь, является единицей мышления. «Слово — универсально, как само сознание, и потому оно — выражение и объективация, реальный, а не только условно признанный репрезентант всего культурного духа человечества: человеческих воззрений, понимания, знания, замыслов, энтузиазмов, волнений, интересов и идеалов» [4, с. 165].

"Язык есть обязательная предпосылка мышления и условиях полной изоляции человека. Но обычно язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям" [1, с. 77].

Какова же связь между языком и мышлением? Стивен Пинкер считает заблуждением отождествление мышления и языка, а также то, что язык определяет мысль. Возникает вопрос, возможно ли мышление без слов? Было выявлено, что существует невербальное мышление, тем самым мышление и язык разделены, а люди постоянно заняты переводом с некоего «мыслекода» на естественный язык. Например, младенцы владеют сложными формами познания, а именно — могут считать в уме на элементарном уровне. Учёные-естественники утверждают, что их мышление пространственное, а творческие люди говорят, что в момент вдохновения думают не словами, а визуальными образами. Кроме того, если рассматривать сам язык как таковой, становится совершенно очевидным то, что под самими словами должно быть что-либо основополагающее, т.к. слова имеют свойство быть двусмысленными.

Конкретные слова являются всего лишь верхушкой айсберга, т.е. того быстрого, лингвистического процесса, что называется мышлением.

Мозг человека способен распознавать языки, определять к какому языку относится слово. Например, bluk — это не английское слово, но могло бы им быть, а такое слово как crahts явно неанглийское, и не может им быть.

Пинкер говорит о двух так называемых «чудодействах», которые лежат в основе языкового инстинкта. Первое — произвольность знака (принцип, сформулированный Фердинандом де Соссюром). Принцип заключается в том, что так же, как произвольное сочетание точек и тире в азбуке Морзе кодирует какую-либо букву, так и звучание слова условно соответствует смыслу. Например, слово «утка»: оно не похоже на утку, но всё же означает «утка». Это объясняется тем, что мы ещё в детстве

прошли путь соединения звука со смыслом. «Без связи со звуком речи мышление не могло бы достигнуть отчетливости, и представление не могло бы стать понятием» [4, с. 15].

Второе «чудодействие» можно выразить словами Вильгельма фон Гумбольта «язык бесконечным образом использует конечные средства». В этом заключена продуктивность или креативность языка. Это в свою очередь порождает такую особенность языка как двусмысленность.

Двусмысленная речь широко распространена в языке, например, в вежливых просьбах, угрозах и т.п. Человеческий мозг способен воспринимать т.н. косвенный речевой акт, т.е. случай, когда мы вуалируем (иногда даже не осознавая этого) свои намерения в инсинуации в надежде, что собеседник нас поймёт, прочитает между строк. Загадка в том, почему мы так часто скрываем предложения взятки, просьбы обольщения или угрозы, используя эвфемизмы, когда обе стороны скорее всего точно знают, о чём идёт речь. Например, «У тебя хороший магазин, будет жаль, если с ним что-то случится...». Это скорее скрытая угроза, чем размышления о гипотетической возможности. Парадокс языка состоит как раз в том, что он должен прямо выражать мысль. Вопрос в том, почему мы прибегаем опосредованности, даже когда все знают, что имеет ввиду говорящий, а говорящий знает, что слушатель знает, что говорящий знает, что слушатель знает и т.д. и т.п. Здесь играет роль тип отношений между людьми и фактор общего и индивидуального знания. Для того, чтобы возникло общее знание, слова должны проговариваться, двусмысленная же речь оставляет не проговоренным определённый смысл и ведёт лишь к индивидуальному знанию. Например, если женщина отклоняет завуалированное предложение интимной близости мужчины, то у них нет общего знания, следовательно между ними может сохраниться фикция дружбы. В случае, если интимное предложение прямое, такой исход невозможен. Наше знание человеческого поведения и отношений необходимо для адекватного восприятия речи. Витгенштейн утверждал, что мы понимаем человеческое поведение, когда понимаем значения, говорящие о нем.

Стивен Пинкер последовательно показывает, насколько сложными и практически неформализуемыми оказываются различные процедуры, обеспечивающие языковую коммуникацию, в том числе распознавание речи, соотнесение слов со смыслами и т. п. Неслучайно то, что даже в наше время – время сверх развитых технологий никакой из существующих компьютеров не способен создать адекватный перевод с одного языка на другой, т.к.

техническое средство не воспринимает всех тонкостей человеческого языка и тех «подводных камней», которые в нём существуют.

Лишь человеку доступна игра слов, использование языка в эстетической функции, а также способность описывать при помощи языка сам язык (так называемое «свойство рефлексивности» по Хоккету). «Язык является посредником между когнитивной системой и реальным миром: язык допускает действительность в сознание, сознание же, проводя категоризацию внешнего мира, мотивирует языковые формы. Каждая полнозначная лексема на уровне языка как знаковой системы соответствует отдельному концепту на уровне сознания, когнитивной системы» [2, с. 114]. Когнитивные способности человека в целом гораздо более гибкие, чем у других существ на Земле. От того, насколько быстро, гибко и удачно язык реагирует на новые потребности мышления, зависит успех всей речемыслительной деятельности.

Человеческая природа мыслится Пинкером как своего рода прецизионный ментальный агрегат, состоящий из множества разнородных механизмов и тонко настроенный на изначальное естественное и социальное окружение человека. Изучая различные индивидуальные особенности и сложности языка, мы можем узнать больше о восприятии человеком действительности, о его мотивах, особенностях построения мыслей и рассуждений. Неопределённость языка выступает не как недостаток или изъян, а как особенность языка, способствующая достижению цели в социальных взаимоотношениях.

Выводы исследования и перспективы дальнейшей работы в этом направлении. Итак, усилием школы Хомского и последователей язык перестал быть изобретением или соглашением людей и встаёт в понятный естественникам ряд структур (морфологических или социальных - неважно), видоспецифических и в своей "врождённости", и в своём разнообразии. Конечно же, спор о врожденности Универсальной Грамматики, или, точнее говоря, особой языковой способности человека как вида, безусловно, не окончен, хотя следует признать, что книги Стивена Пинкера выводят его на некий новый уровень. Что же касается существа спора, то лучше всего о нём выразился сам Пинкер, говоря о том, что «в науке о языке единственным фундаментальным фактом оказывается полная невероятность его существования» [3, с. 352].

Література

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
2. Клобуков 1998 – Клобуков П.Е.. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) / П.Е. Клобуков. — М.: Филология, 1998. — С. 110 —122.
3. Пинкер Стивен Язык как инстинкт / Стивен Пинкер: Пер. с англ. / Общ. ред. В.Д. Мазо. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 456 с.
4. Шпет 2006 — Шпет Г. Г.. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта / Г.Г. Шпет: Изд. 3-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2006. — 216 с.
5. Chomsky Noam. New horizons in the study of language and mind / Chomsky, Noam. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — P. 230.
6. Pinker S. The Language Instinct / Steven Pinker. — N.Y.: Harper Perennial, 1994. — P. 494.
7. Pinker S. How the Mind Works/ Steven Pinker. — N.Y.: Penguin Books, 1997. — P. 660.

Карпенко А.

старший викладач кафедри філософії, соціально-політичних і правових наук ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»

АРХЕОЛОГІЯ ДЕКОНСТРУКЦІЇ: ГАЙДЕґЕРІВСЬКЕ DESTRUKTION

У статті досліджено проблему історико-філософської рефлексії складного явища постмодерної культури – напрямку деконструктивістської філософії. Виявлено основні підходи розуміння деконструкції в рефлексивній літературі. Обраний в якості методологічного підґрунтя археологічний підхід дозволив виявити загальні та відмінні структурно-семантичні та функціональні ознаки категорій філософських систем Мартіна Гайдеґера та Жака Деріда – Destraktion i deconstruction.

Ключові слова: деконструкція, деструкція, метафізика, археологія, онтологія, відмінність.

Карпенко А.

– старший преподаватель кафедры философии, социально-политических и правовых наук ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»

АРХЕОЛОГІЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ: ХАЙДЕГГЕРОВСКОЕ DESTRUKTION

В статье проводится анализ историко-философской рефлексии сложного явления постмодернистской культуры –